

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 903(479)

ИЗУЧЕНИЕ АНТРОПОМОРФНЫХ СТАТУЭТОК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

О.М. Давудов

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

o.davudov@mail.ru

Аннотация. В статье приведены сведения о находках антропоморфных статуэток, обнаруженных на территории Северо-Восточного Кавказа, представлен обзор всей имеющейся литературы, посвященной исследованию проблем, связанных с мелкой пластикой Дагестана и Горной Чечни. Начиная от первых статей о загадочных изображениях, показан как постепенно шел процесс формирования научно выверенных представлений о мужских и женских литых бронзовых статуэтках, об их классификации, хронологии и семантике. В статье отражена полемика вокруг антропоморфной пластики Дагестана. Особенно спорным был вопрос о хронологии. Сложность установления датировки находок с культовых мест была обусловлена особенностями памятников, где клад накапливался в течение продолжительного времени. И здесь могут встретиться предметы, относящиеся к разным эпохам. В результате продолжительных поисков, ориентируясь на бежтинско-дайскую археологическую культуру, с которой объемные статуэтки связаны и хронологически предшествуют плоским и плоско-вогнутым статуэткам исследователи Дагестана пришли к единому мнению, что объемные статуэтки в основном относятся к VII–VIII вв. с возможным расширением даты до I–X вв.

Abstract: The article presents information on the anthropomorphic figurines found in the North-East Caucasus, provides the review of the available literature on the problems associated with small plastic arts of Dagestan and Mountainous Chechnya. The author of the article analyzes the gradual process of formation of scientifically verified concepts of male and female cast bronze figurines, their classification, chronology and semantics, starting from the first articles about the mysterious images. The article covers debate on anthropomorphic plastic arts of Dagestan. The problem of chronology is particularly disputable. The difficulty of dating the finds from the places of worship is due to the peculiarities of the sites, where the treasure has been accumulated for a long time. Thus, the objects belonging to different epochs may occur here. After extensive study the researchers of Dagestan have arrived at a common view that volume figurines mainly date back to the 7th–8th centuries with a possible extension of the dating to the 1st–10th centuries, considering the Bezhta-Dai archaeological culture they are associated with, and chronologically precede flat and plano-concave figurines.

Ключевые слова: Антропоморфные изображения Северо-восточного Кавказа, обзор литературы о мелкой пластике, образы божеств и обожествленных Героев. Западный Дагестан и Горная Чечня.

Keywords: Anthropomorphic images of the North-East Caucasus, review of literature on small plastic arts, images of deities and deified characters, West Dagestan and Mountainous Chechnya.

Антропоморфные и зооморфные статуэтки обратили на себя внимание исследователей еще в 70-х гг. XIX в. С самого начала они рассматривались как источник для изучения материальной и духовной культуры и, самое главное, как свидетельство высокоразвитой металлургии и металлообработки.

На территории Кавказа встречается много антропоморфных и зооморфных статуэток. Много здесь и очагов их производства. Северо-Восточный Кавказ, занятый современным населением Дагестана и Чечни, составляет особый очаг их производства и использования.

Первая находка предметов мелкой пластики из тонкого листа бронзы – «с изображение женщины, сидящей на лошади боком», «была встречена среди находок, обнаруженных в могилах, разрушенных при проведении дороги между селениями Верхний Дженгутай и Урма, то ли на горе Кызыл-яр, то ли на Атлы-боюнском перевале. Эту фигурку увидел генерал А.В. Комаров (*Комаров А.В.*, 1882. С. 436–437), что побудило его интерес к статуэткам. Другие находки – это статуэтки, обнаруженные «на отрогах хребта, служащего водоразделом между реками Андийское Койсу и Шаро-Аргун». В 1867 г. они были доставлены А.П. Ипполитову и опубликованы им. Эта коллекция составляла 4 фигурки обнаженных людей в шлемах с дротиками в руках и фигурки животных: козлов, оленей и баранов. Ссылаясь на форму шлемов, употреблявшихся горцами Ичкерии в более позднее время, он считает их грубым подражанием изображениям божеств греческой мифологии. А греки, по его мнению, были здесь, о чем якобы свидетельствуют предания о «греческом происхождении некоторых чеченских фамилий» (*Ипполитов А.П.*, 1868. С. 49–52). Несколько иначе воспринимал этих статуэток П.И. Головинский. Он приписывал их изготовление сначала древним «мидам», позже – предкам осетин, которые появились, как он полагал, в горах Кавказа раньше чеченцев, «имели богатую мифологию и умели выделывать из меди разные вещи» (*Головинский П.И.*, 1878. С. 251). Все эти взгляды спорны и, как позже выяснилось, ничем не обоснованы. Не имели тогда представления и об ареале распространения этих статуэток, как, впрочем, и об их семантической нагрузке. С накоплением новых материалов стало возможно приблизиться к их пониманию, выяснению их значения. Новый шаг к изучению бронзовых фигурок был сделан благодаря находкам 1870 г. изображений оленей в Ункратле (*Аргутинский-Долгоруков Н.В.*, 1875. С. 184), а также приобретению фотографом А.С. Роиновым 12 бронзовых фигурок, найденных близ с. Асахо и Кидеро Дидойского общества и в Каратинском наибстве. Шесть из них опубликовал ген. А.В. Комаров. Большинство фигур не имело обозначения пола, но часть имела мужские половые признаки, часть – женские. Из опубликованных фигурок четыре относились к фертообразным, две – к типам с поднятыми к вискам руками (*Комаров А.В.*, 1884. С. 41. Рис. Н.И. Цилоссани).

Интересные статуэтки были обнаружены академиком Д. Анучиным во время его пребывания в Дагестане в 1882 г. «с целью отыскания в пещерах следов человека каменного века». На вершине горы Зуберха, вблизи с. Гергебиль им были найдены бронзовые украшения и подвески в виде головок оленей и быков. Вместе с ними на заложенном им небольшом раскопе были обнаружены кости животных. В с. Ратлуб (ныне Шамильский район) он обнаружил статуэтку обнаженной женщины, сидящей на стульчике с ребенком в руках (*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 444–445). Позже эта статуэтка была куплена фотографом А.С. Роиновым (*Zakharov A.*, 1933. P.98), однако в состав публикаций А.В. Комарова она не попала. О ее дальнейшей судьбе ничего не известно). Она достигала 0,155 м. высоты. Головной убор имел вид капюшона с маленькой точкой впереди и выступом, от которого на спину ниспадала коса или лента. На шее было ожерелье, или витая гривна. Женщина держала ребенка левой рукой, а правой давала ему грудь. Д.Н. Анучин полагает, что она изображает богиню Астарту (*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 444–445).

Более результативными были работы П.Д. Татарина. Им был раскопан в 1882 г. около селения Чаляихо (Чалях Цунтинского района. – Авт.) «небольшой курган», считавшийся среди местного населения «священным местом» и куда «на богомолье» (скорее речь идет об обряде выпрашивания дождя. – Авт.) собирались окрестные жители во время засухи и народных бедствий. Раскопки продолжались в течение только одного дня и были прекращены из-за выпавшего снега. Так что, работы здесь не были завершены. Но к вечеру им были обнаружены остатки какого-то строения и 88 статуэток, отлитых из бронзы (*Комаров А.В.*, 1884. С. 40. Рис. Н.И. Цилоссани). А.А. Иессен справедливо считает, что здесь было обнаружено культовое место (*Иессен А.А.*, 1935. С. 35).

Вскоре появились сообщения о работах французского исследователя Г. Бапста у с. Ретло (Ретлоб Цунтинского района. – Авт.). Г. Бапст, направляясь в Закавказье, провел небольшие раскопки на вершине остроконечной горы (Кидилашан. – Авт.), на круглой площадке диаметром 4 м. Ему удалось обнаружить 33 бронзовых и людей с «руками на животе» и поднятыми к голове руками так, чтобы большие пальцы касались ушей. Статуэтки казались брошенными. Одна из них имела пояс и перевязь (портупею). А до этого на этой горе по поручению генерала А.В. Комарова копал наиб из с. Кидеро и обнаружил 200 фигурок (*Bapst G.*, 1885. P. 38–40; Табл. III–V). Судьба этих находок неизвестна.

Появились в печати сообщения и о находках штабс-капитана Кузьминского. Около селения Ботлих он собрал большое количество медных идолов «наподобие игрушек», числом около 50.

Между ними отмечены фигурки оленя, козлов, мужчин и женщин в разных позах (Укрепление Хунзах, 24 августа).

В 1886 г. в Дидойском обществе вел работы действительный член Русского географического общества К.Н. Росиков. В «Ассахском ущелье в скале» (с. Асах Цунтинского района. – Авт.) он выявил до 30 статуэток, называемых им «предметами обожания», высотой от 36 до 95 мм (*С.Р.*, 1886. 10 мая. № 129; Письмо..., 15 декабря 1886 г. № 35-Архив ЛОИА, Д. Археологической комиссии № 6. 1886. Л. 38, 39; *С.Р.*, 1886, 10 мая. № 129).

В это же время немецкий ученый языковед Р. Эркерт передал в Берлинский музей две статуэтки (один фертом, другой с руками, поднятыми вверх), обнаруженные около с. Асах (*Adorantenfigur und idol*, 1980. Из каталожной записи: Кавказ. Дагестан. Асахо. Дидо. Бронза. Н=7 см/бсм.).

Имеются сообщения известного этнографа, исследователя Чечено-Ингушетии Н.С. Семенова о «фигурке с бараньей головкой», увиденной им в 1887 г. в с. Хатуни (*Семенов Н.С.*, 1887. 8 дек. № 325). Тогда же в чеченском селении Химой собрал коллекцию антропоморфных статуэток полковник К.И. Ольшевский (Архив ЛОИА. Ф-1. Д. 68. Л. 123. Литографически выполненный рисунок Штробиндера), а полковник Шетихин нашел в районе Хасавюрта подвеску в виде головки барана (*Смирнов Я.И.*, 1889. Архив ЛОИА. Ф-1. Д. 44. 1889. Л. 67, об.).

Большой интерес представляют статуэтки, доставленные из Андийского округа врачом Е.С. Вашакидзе и описанные И.И. Пантюховым. Автор предупреждает, что они добыты из указанного округа, но «не из могильников, а при естественных разрушениях почвы в оврагах». Он опубликовал 6 антропоморфных и три зооморфных фигурок, указав, что состав металла, из которого они отлиты, отличается от состава металла Закавказских изделий. Вместе с тем он считает, что «вид фигур, а особенно развитие penis-а, показывает, что в одну из эпох бронзы на Кавказе был распространен южный, малоазиатский религиозный культ. По черепному показателю, господствовавший тип был ирано-курдский» (*Пантюхов И.И.*, 1896. С. 57–59, 142, 148; Табл. XVI, 1–10).

В 1900 г. П.С. Уварова опубликовала результаты исследований могильников Северного Кавказа, ввела в научный оборот археологические коллекции различных музеев и частных лиц. Среди материалов Кобанского, Кумбултского и других могильников встречаются статуэтки женщины с ребенком в руках, женщины с руками по бокам, на груди и животе. Возможно, некоторые из них происходят из Дагестанского очага производства и завезены сюда еще в древности. Они близки к ним по многим параметрам (*Уварова П.С.*, 1900. С. 144, 148, 308; Табл. XXXV, 6; СХП, I; ХСП, 8). Из работ П.С. Уваровой необходимо упомянуть и каталог Кавказского музея (ныне Государственный музей Грузии. – Авт.). В него включены и статуэтки из Дидо (*Уварова П.С.*, 1902. С. 12 и след. № 3679). Полный для того времени свод памятников, откуда происходят антропоморфные и зооморфные статуэтки дал Е.И. Козубский. Он называет селения Асахо, Кидеро, Чалиях и др., а также местность Беркла Мик на левом берегу Казикумухского Койсу, вблизи с. Хаджал-Махи (Дагестанский сборник, 1902. С. 157, 158).

В 1903 г. А.М. Завадский, работавший преимущественно в Грозненской области, собрал небольшую археологическую коллекцию в Андийском округе. Среди его находок особый интерес представляют статуэтка обнаженной женщины из с. Тинди с сосудом в руках и фигурка мужчины в «фригийском колпаке» (хр. в ГИМ, инв. ? 57771) (Древности, 1906. Протоколы. С. 57; Известия Археологической комиссии, 1904. С. 16, 17.).

В 1910–1912 гг. в Дагестане наряду с этнографическими материалами собирал археологические находки сотрудник Русского музея в Санкт-Петербурге А.К. Сержпутовский. Ныне его коллекция хранится в ГЭ. Среди его находок имеются статуэтки, обнаруженные в Цунтинском (Хупри), Ахвахском (Карата) и Ботлихском (Анди) районах. В течение 1911–1914 гг. в Дагестане работала А.Л. Млокосевич, имевшая специальное задание от Археологической комиссии. Ее сборы археологических материалов оказались более плодотворными. Среди материалов, собранных ею в сс. Хашархота, Тлядал, Хупро, Китури, Шаитль, Асахо, Ин[хоквари], Гетатль (вероятно Гениятль. – Авт.), были изображения людей и животных. Среди этих изображений имеются статуэтки мужчин и женщин, а также животных. Особый интерес представляет черпак с короткой ручкой в виде головы оленя. Она полагает, что эти вещи происходят из «пещерных могил», где, по словам лезгин, хоронили лиц духовного звания» (Известия Археологической комиссии, 1904. С. 160, 210–211; Архив ЛОИА. Д. 296, 1914. Л. 1–2, 15). Список предметов металлопластики вскоре пополнился за счет трех статуэток обнаженных людей, которых житель гор. Телави С.М. Попов обнаружил у Кодорского перевала. В 1915 г. эти

статуэтки были переданы в Государственный музей Грузии (инв. № 32–15). Позже этих находок связывали с Кодорской крепостью вблизи гор. Сухуми (Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 гг., 1918. С. 30. Рис.4–6). Однако по характеру изделий и позам они составляют часть дагестанских статуэток и не могут быть связаны со статуэтками Грузии и Абхазии.

В 1921 г. художник М. Джемал нашел в одном из разрушенных погребений Каратинского могильника одну бронзовую фигурку мужчины, 4 фигурки женщины и одну миниатюрную ложечку. Эти находки интересны тем, что позволяют связать статуэток с конкретными датирующими материалами. Некоторые бронзовые вещи, в том числе человеческие фигурки из этого могильника, хранятся в ГЭ (раньше они хранились в Русском музее). Сам могильник известен издавна. В начале нашего столетия местный житель шейх Сулейман оглы в одном из разрушенных земляными работами погребений обнаружил 19 хрустальных бус, 4 обломка медных браслетов (хр. в Гос. музее Грузии). В 1923 г. на этом же могильнике несколько погребений раскопал А.С. Башкиров (Архив ЛОИА. 1914. Д. 296, Л. 1–2, 15. С.130; Каталог археологических материалов Государственного музея Грузии, 1955. (1904–1920); *Комаров А.В.*, 1884. Рис. С. 41. Н.И. Цилюсани; *Vapst G.*, 1885. С.34, 16; Отчет императорской археологической комиссии за 1906 г., 1909. С. 87, 1071; Архив ИА, 1906. Д. 115. С. 38; *Исаков М.И.*, 1966. С.85). В 1956 г. отсюда были получены сотрудниками Горного отряда экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР интересные находки скифского времени (*Пикуль М.И.*, 1956. С. 194, 195). Они были обнаружены в разрушенной могиле.

Среди экспонатов ДГОИАМ хранится статуэтка человека с поднятыми вверх руками. Она была приобретена в 1924 г. Н.Ф. Яковлевым.

В 1928 г. в печати появилась статья этнографа Л.П. Семенова о находке изображения оленя возле святилища у ингушского с. Джерах (*Семенов Л.П.*, 1928. С.13, 14; 1963). По П.А. Головенскому, в Шатое находили до нескольких десятков статуэток баранов, козлов, оленей, голых людей в шапочках, «уложенных не в могиле, а особо в земле». В собранию П.С. Уваровой входят бронзовые литые статуэтки людей – хр. в ГИМ, инв. № 57 766 (*Головинский П.Д.*, 1878. С. 251).

Так постепенно возрастало количество находок антропоморфной и зооморфной металлопластики из памятников Северо-Восточного Кавказа. Накапливаются они и в различных музеях страны и в частных коллекциях. В статьях А.А. Захарова были обобщены все находки антропоморфных статуэток, обнаруженных на Кавказе. В этих статьях он дал подробную характеристику известным к тому времени статуэткам и предложил их классификацию по категориям, группам и вариантам в зависимости от деталей (итифаллические, рогатые или с подставками) (*Захаров А.А.*, 1928. С.34,35; *Zakharov A.A.*, 1933. С. 65–115). При этом строгой критерии для включения фигурок в ту или иную таксонометрическую группу или категорию у него нет. В результате фигурки одного и того же типа оказываются в разных классификационных группах. Ценность же его труда несомненна. Она впервые познакомила читателей с разными статуэтками, в изобилии встречаемыми в Дагестане и сопредельных районах Кавказа. Самое важное – он издал их изображения.

В 1935 г. вышла статья А.А. Иессена, посвященная обзору памятников, попадающих в зону строительства гидроэлектростанций в бассейне р. Сулак и его притоков. Он привел сведения о находках антропоморфных и зооморфных статуэток около селений Тисси (приобретение А.М. Завадского 1903 г.), Карата (колл. Русского музея – ныне хранится в ГЭ, Дагмузея, раск. худ. М. Джемала, Тинди, Инхоквари, Чалияхо, Асахо – собр. К.Н. Россикова, А.А. Млокосевич, с «кургана» между селениями Амятль (Гениятль) и Кетури (Китури), у с. Ретло (Ретлоб) на горе «Кидилашан», у с. Хупро (Хупри – сборы А.К. Сержпутовского 1910 г.), на горе Зуберха (привески в виде головок оленей и быков) (*Иессен А.А.*, 1935. С. 34–36, 16–18, 20–25, 45).

Интересные открытия были сделаны в 1937 г. Северокавказской археологической экспедицией. Начальник Дагестанского отряда этой экспедиции А.П. Круглов получил от начальника землеустроительной партии Пригородского сведения о находке им на вершине горы Берак, недалеко от селения Арчо Ахвахского района при раскопке шурфа для триангуляционного знака ямы (около 1 кв. м.) бронзовых статуэток человека и козла. Человеческая фигурка интересна своеобразным головным убором, из-под которого на спину ниспадают распущенные волосы. Она имеет выступающую длинную бороду, на талии – пояс, ниже – выразительный торчащий фаллос. В этом же году А.П. Круглов заложил здесь раскоп, размером около 5 кв. м. В результате раскопок он обнаружил еще одну бронзовую статуэтку бородатого мужчины с остатком какого-то предмета в правой руке, видимо, копья, железное навершие в виде трезубца, точильный каменный брусок и

мелкие обломки костей. В следующем 1938 г. памятник был раскопан полностью. Удалось выяснить, что культовым местом здесь служила вершина горного хребта. Никаких наружных признаков святилища не имело. Здесь встречено большое количество плит песчаника, видимо, оставшегося от разрушенного древнего сооружения (святилища). Слой земли на вершине был сильно насыщен углем, костями животных – быка, овцы, свиньи, лошади, представленными в основном зубами, астрагалами и фалангами. Находки были концентрированы вблизи вершины и реже попадают ниже. Среди находок, как выше уже упоминалось, имеются бронзовая фигурка мужчины в шлеме с правой рукой, поднятой вверх как бы для нанесения удара копьем, наверхшия, склепанные из тонких железных полос (три целых и пять обломанных), железный черешковый трехгранный наконечник стрелы, обломок железного черешкового меча без наверхшия и перекрестья рукоятки, а также обломок точильного камня, длиной 12 см (*Круглов А.П.*, 1946. С. 31–32. Рис.11,а-д;12;13).

Второе культовое место, осмотренное экспедицией, находится в 7 км по прямой на юго-запад от с. Согратль Гунибского района. Жителем этого селения Усманом Товакл на склоне горы Хурцы-Гааль (Хурил раал), вблизи ее вершины (18×8–9 м), была найдена бронзовая статуэтка обнаженной женщины с руками, распростертыми как бы для объятия. Никаких наружных признаков строения здесь не отмечено (*Круглов А.П.*, 1946. С. 35–36; Рис.14).

Среди находок, учтенных Северокавказской экспедицией, следует назвать бронзовую фигурку лошади, найденную еще в 20-х гг. вблизи с. Гагатль Ботлихского района, в 1 км к востоку от перевала, в местности Речол. По сообщению местных жителей, фигурка была найдена при земляных работах вместе с рогами оленя, двумя стеклянными сосудами и бронзовым кольцом. По словам ее владельца, статуэтка была положена в могилу. Другие жители этот факт отрицают. Она хранится в ДГОИАМ (*Круглов А.П.*, 1946. С. 38–39; Рис.15; *Исаков М.И.*, 1966. С. 85, № 1053). По мнению М.И. Артамонова, это место можно рассматривать как древнее жертвенное место (*Артамонов М.И.* 1937–1938. Л. 15).

Другая аналогичная фигурка лошади была приобретена А.П. Кругловым в с. Согратль у местной жительницы Бутаевой. Место ее находки осталось невыясненным (*Круглов А.П.*, 1946. С. 39–40; Рис.16). По характеру моделировки ног, опирающихся на сходящихся к тонкому стержню основе, конские статуэтки представляли собой наверхшия культовых жезлов. А.П. Круглов определил их хронологию в пределах V в. до н.э. (*Круглов А.П.*, 1946. С. 31–40).

По итогам изучения всех этих культовых мест и статуэток А.П. Кругловым была опубликована статья, где представил тщательный анализ культовых находок с территории Северо-Восточного Кавказа. Это была первая статья аналитического характера, положившая основу изучения подобного рода находок и оказавшая влияние на последующих исследователей в датировке и историко-культурной и семантической их интерпретации.

В.И. Марковин приводит дневниковую запись А.П. Круглова, где даются сведения о находке в каменном ящике на хуторе Беледи фигурок мужчины, козла и ложечки, украшенной двумя утолщениями (*Марковин В.И.*, 1986. С. 78). Об этих находках как о приобретении Северокавказской экспедиции, хранящихся в ДГИАМ, сообщал М.И. Исаков в 1966 г. (*Исаков М.И.*, 1966. С. 86. № 1061).

В 1938–1939 гг. сотрудник Грузинского филиала АН СССР И.В. Мегрелидзе занимался изучением дидойского фольклора, этнографии и археологии. К концу своей поездки в Дидойские районы он обследовал культовое место у высокогорного озера Орзен, окрестности селения Хупри и гору Кидилашан у с. Ретло. С озера происходят разные бронзовые предметы, в том числе головы оленя, тура, фигурки маленького коня и человека, а также изображение руки человека и т.д. Это место (озеро Орзен и его окрестности) почитается местными жителями. Во время засухи здесь собираются окрестные жители и приносят жертву, выпрашивая дождя. Автор опубликовал фигурку коня, обнаруженную у северного берега озера.

У с. Хупри, вблизи мельницы, в подножии горы, на склонах которой расположено селение, обнаружена другая фигурка коня. Из разрушенной могилы, встреченной здесь, помимо статуэтки происходят керамический кувшин и бронзовые стрелы. Проводил И.В. Мегрелидзе раскопки (14–27 июля 1939 г.) на вершине горы Кидилашан, где на глубине от 5 до 35 см обнаружил 45 целых и 6 поломанных бронзовых статуэток. Среди них имеется фигура воина с колчаном, бляха, головка оленя, 10 обломков бронзовых украшений и 6 обломков черной керамики (*Мегрелидзе И.В.*, 1951. С. 281–291; Рис.1,а,б;2,4,1–7; 5,1–8; 6,1–8;9,1–10;10;11;12). Автор дает подробное описание статуэток и их классификацию. Разбив их на две группы по половым признакам, он связывает их появление с широким распространением фаллического культа на Кавказе. Датировку статуэток он не уточняет, но разделяет точку зрения А.П. Круглова и А.А. Иессена (*Мегрелидзе И.В.*, 1951. С. 290–291).

Бронзовые антропоморфные статуэтки, происходившие преимущественно из территории Цунтинского и Цумадинского районов, Д.М. Атаев сопоставлял с рудоносными очагами в верховьях Андийского Койсу. Отметив проблематичность их датировки, он высказал мнение о принадлежности плоско-вогнутых и плоских статуэток к эпохе средневековья. При этом он полагает, что не получила своего объяснения серия более древних статуэток, обычно объемных, трактованных реалистически и отлитых сложными приемами. Одновременно он сближает часть дагестанских статуэток с закавказскими, с сирийскими и даже греческими, наметив, таким образом, путь развития дагестанского искусства на раннем этапе. Позже дагестанское искусство оказывает влияние на искусство сопредельных народов Северного Кавказа (*Атаев Д.М.*, 1965. С. 115–117). В «Истории Дагестана» статуэтки рассматриваются как образцы художественного литья «сложных очертаний», развившихся к рубежу II–I тысячелетия в Бежтинско-Дидойском очаге металлургии (История Дагестана, 1967. С. 92–93).

Статуэтки становились объектом внимания различных исследователей и позже.

В 1966 г. в Чечено-Ингушетии и Дагестане вышли материалы к археологическим картам, в которых приведены известные к тому времени сведения об археологических памятниках и находках, обнаруженных на территории Северо-восточного Кавказа. М.И. Исаков, например, в своей монографии «Археологические памятники Дагестана» привел сведения о зооморфных и антропоморфных статуэтках, обнаруженных на территории Дагестана (*Исаков М.И.*, 1966. №№ 1053, 1059, 1060, 1061, 1062, 1066, 1070, 1071, 1072, 1094, 1100, 1102, 1104, 1105, 1107, 1110, 1111, 1112, 1113, 1114, 1116, 1121, 1132). Сведения о таких же находках привели в своей книге «Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР» В.Б. Виноградов и В.И. Марковин, отмечали находки бронзовой статуэтки овцы (окончания ног свернуты в виде колечек, h=8 см) и сильно стилизованной фигурки оленя (ноги соединены попарно, h=11 см), подвески в виде птицы, фибулы и обломки гривны (ГИМ, № 54746) в ныне покинутом селении в верховьях реки Шаро-Аргун – Химой (*Виноградов В.Б., Марковин В.И.*, 1966. С. 70. № 346), статуэтки людей и животных (опубликованных А.П. Ипполитовым как найденных в междуречье Шаро-Аргун и Андийское Койсу, Д.Н. Анучиным – в местечке Шарый), а также ритон, оканчивающийся головой оленя V в. до н.э. – в с. Шарой (*Виноградов В.Б., Марковин В.И.*, 1966. С. 69; № 341), бронзовых литых фигурок людей и животных VI–IV вв. до н.э. (впоследствии утеряны) в окрестностях Шарой, но на вершине горы (найденны в 1928 г. местным жителем А.Д. Шериповым) (*Виноградов В.Б., Марковин В.И.*, 1966. С. 69–70. № 343), статуэтки оленя среди руин Джерахского святилища (выше мы уже отмечали эту находку этнографа Л.П. Семенова от 1925 года) (*Виноградов В.Б., Марковин В.И.*, 1966. С. 26–27; № 12), статуэтки женщины (h=ок. 20 см) с широкими плечами, отлитая из бронзы и двуликая мужская фигурка из железа (h=ок. 32 см) – в окрестностях селения Шатой (ныне Советское) (*Виноградов В.Б., Марковин В.И.*, 1966. С. 70,71; № 348,349). К этим статуэткам В.И. Марковин возвращается неоднократно. В 1966 г. он дал обзор статуэток из Чечни, высказал предположение об их происхождении с древних святилищ и об их связи с культами плодородия (*Марковин В.И.*, 1966. С. 128–131. Рис. 4,1–10). Позже он повторил эту мысль, добавив, однако, что для их интерпретации необходимо привлечь библейский текст, и сам высказал об отношении Библии к идолам (*Марковин В.И.*, 1969. С. 10–12,71–72). Он и меня упрекал за то, что я не привлек для их исследования Библию (*Марковин В.И.* 1976. С. 345–348). Надо заметить, что не только Библия, но и Коран одинаково отрицательно относится к статуэткам, как к символам политеизма. При этом ни Библия, ни Коран ничего не дают для хронологии и семантики статуэток.

Писал В.И. Марковин и о статуэтках из Дагестана (в 1974, 1988 гг.), выявленных на горной вершине Зиберха у с. Гергебиль, около Ботлиха, Гагатль, Согратль и т.д. После их характеристики он отметил, что они, как правило, встречаются на культовых местах, расположенных на горных вершинах, связывал их с верованиями древних дагестанцев (*Марковин В.И.*, 1974. С. 58–62; *Марковин В.И.*, 1988. С. 65–71).

Характеристикой, историко-культурной и семантической интерпретацией дагестанских объемных статуэток заниматься пришлось и мне. Для меня было очевидно, что эти фигурки передавали образы языческих божеств и обожествленных Героев древних дагестанцев. Мною же была предложена дата объемных статуэток в рамках IX–IV вв. до н.э. Прежде всего, тогда к древним я относил только объемных статуэток. Плоских и плоско-вогнутых как средневековых я не рассматривал. В этой работе дано описание статуэток мужчин и женщин, а также разнообразных животных, приведены им аналогии из сопредельных регионов, особенно из

районов древнего Востока, предложена их смысловая интерпретация (*Давудов О.М.*, 1974 а. С. 84–94, 133).

Интересные и весьма плодотворные мысли высказал В.Б. Виноградов о статуэтках, обнаруженных в Чечне – в окрестностях Шатой (Советское), Шарой, Химой, Шали, Самашки и др. Он также отмечает их связь со святилищами, расположенными на горных вершинах, указывает их принадлежность (некоторых женских) божествам плодородия. Фигурку воина в шлеме, одетого в полушубок с луком в руках и головой горного козла за спиной он связывает с божеством войны. Хронологию статуэток он определяет в рамках середины I тысячелетия до н.э., считает неубедительной попытка автора настоящей работы углубить их дату до IX в. до н.э. (*Виноградов В.Б.*, 1972. С. 280–283. Рис.37;48,3,5;67,1,2). Из упомянутых им статуэток совершенно новыми были находки в Шали, всадника из с. Семашки, воина из Ичкерии. Справедливой представляется нам его мысль о находках предметов металлопластики не по всей территории Юго-Восточной Чечни, а в районах естественных границ (Андийский хребет и Аргунское ущелье) с Дагестаном и Грузией (*Виноградов В.Б.*, 1972. С. 283).

В 1973 г. вышла статья Е.Е. Кузьминой о навершии, увенчанной двумя обнаженными всадниками. Это навершие было приобретено ГЭ в 1926 г. (инв. № 13 761) у Саида Магомед-оглы в Кубачах. Автор статьи считает, что всадники передают образы близнецов, культ которых был широко распространен по Анатолии, Ирану и Закавказью в конце II – начале I тысячелетия до н.э. (*Кузьмина Е.Е.*, 1973. С. 178–183).

В 1978 г. сотрудница Музея народов востока З.И. Нечушкина опубликовала статуэтку женщины с ритонном в руке. Она дает ее описание, датировку в рамках середины I тысячелетия до н.э. и семантическую интерпретацию (*Нечушкина З.И.*, 1978. С. 13–23). По ее мнению, статуэтка передает образ божества воды, дождя, атмосферных явлений и плодородия (*Нечушкина З.И.*, 1978. С. 19).

Ряд работ В.И. Козенкова посвятила изучению антропоморфной и зооморфной пластики, а также глиняных фигурок из Сержень-Юртовского могильника (*Козенкова В.И.*, 1966. С. 74–78; 1972. С. 12–15; 1982; С. 58,69–71. Табл. 25,35,42,43). Но все они по характеру и стилю изображения принадлежат к кобанской культуре. Для нас представляют интерес суждения автора об их характере, типологии и семантике.

Также к другой хронологической и историко-культурной группе относятся статуэтки людей и животных, обнаруженных нами на Хосрехском святилище. Это святилище расположено в высокогорном Кулинском районе Дагестана. Оно представляло собой квадратное в плане каменное сооружение (8×8 м), ориентированное углами по странам света. Внутри него был выложен круг «алтарем» из каменного блока (1×0,35 при высоте 0,7 м) в центре. Приалтарная площадка и дорога, соединяющая алтарь с проходом в середине юго-западной стены, были выложены песчаниковыми плитами. Под алтарем и приалтарной вымоской обнаружены прямоугольные тайники, заполненные землей, насыщенной угольками. В одном из них обнаружены астрагалы крупных и мелких животных и обломок точильного бруска с отверстием на одном конце. К северо-западной стене квадратного сооружения примыкало возвышение, шириной до 1,15 м, где под тонкими песчаниковыми плитами и их обломками в золе найдены кости жертвенных животных, их черепа с распиленными в основании рогами и астрагалами, а также разнообразные votивные предметы. Среди этих находок были обнаружены парные фигурки обнаженных людей без выделенных половых признаков, статуэтки оленя и быка. Комплекс датируется VIII–VII вв. до н.э. Среди находок имеются наконечники копий, характерные для предскифского времени. Кроме того, под слоем циркульной выкладки обнаружены следы другой, более древней выкладки такой же формы. Это позволяет допустить более архаичную дату этого сооружения. По своему характеру и особенностям находок сооружение может быть признано святилищем (*Давудов О.М.*, 1978. С. 115–116; 1980. С. 20,21; 1980а. С. 277–285; 1983. С. 43–56). В связи с ним могут быть интерпретированы и сами статуэтки.

После 1982 г. вышла из печати серия статей В.И. Марковина, посвященных кавказским антропоморфным статуэткам (*Марковин В.И.*, 1982. С. 358–359; 1984; 1986. С. 74–124). Наиболее обстоятельной среди них является статья «Культурная пластика Кавказа». В ней он дал краткую историю изучения металлопластики, классификацию фигур, общую характеристику всех статуэток и особенности отдельных категорий, их сравнительный анализ. Для сопоставления он привлек статуэтки древнего Востока. Хронологию кавказских статуэток он определил в рамках времени от II тысячелетия до н.э. до V в. до н.э. (*Марковин В.И.*, 1986. С. 74–124). При всех

достоинствах этой работы и проработке ее деталей, обоснованной датировке основных фигур проблема хронологии дагестанских статуэток все еще нуждалась в доказательстве.

При этом надо отметить, новые находки статуэток продолжали накапливаться. Правда, они чаще всего попадались в частные руки и отдельные музеи. Соответственно появлялись новые публикации.

В 1984 г. вышла монография Я. Доманского, посвященная художественной бронзе Кавказа. В ней он рассмотрел изделия кобанской культуры, но были включены две антропоморфные статуэтки из дагестанского культового места Арчо (*Доманский Я.*, 1984. 240 с.).

В этом же году сотрудники ГЭ Я. Доманский и Ю. Пиотровский опубликовали статью о находках у с. Чадаколо Тляртинского района ДАССР. Речь идет о кладе, обнаруженном директором местной средней общеобразовательной школы Омаром Мансуровичем Омаровым на окраине своего селения. В керамическом горшке он обнаружил клад из бронзовых предметов, общим весом 62 кг. Находки он передал в Государственный эрмитаж, где они в настоящее время и хранятся. Я. Доманский и Ю. Пиотровский в своей статье указывали, что в составе коллекции в Эрмитаже находятся 220 предметов хорошей сохранности. Среди них 27 бронзовых блях, 21 головная булавка с навершием в виде скульптурных фигурок животных, одна бронзовая фигурка с навершием в виде скульптурного изображения человека, 70 бронзовых булавок с волотообразным навершием, 14 бронзовых привесок (в виде головы животного, двухголовой фигурки, очковидные и шарообразные), 22 экз. бронзовых браслетов, бронзовые колокольчики, цепочки, более 40 каменных бус, бронзовая чаша, бронзовая ложка, бронзовые иглы, две пуговицы – одна из бронзы, другая из железа, маленькое железное колечко. Бронзовые предметы покрыты зеленой патиной. На некоторых предметах встречаются следы окислов железа, а на других – отпечатки ткани. Датируют они памятник второй четвертью I тыс. до н.э., вполне справедливо полагая, что памятник представляет собой святилище (*Доманский Я., Пиотровский Ю.*, 1984. С. 36–38).

Свои исследования, начатые в начале 70-х гг., мы продолжили, изданием серии статей, посвященных женским и мужским антропоморфным статуэткам, в том числе статуэткам женщин с ритонами в руках, женщин в разных позах, воинов и фигур из Гигатля. Статьи посвящены также связям с киммерийцами и скифами, анализу ажурных пряжек и т.д. (*Давудов О.М.*, 1987. Ч. I; 1988. С. 35–36; 1991. С. 62–86; 2000. С. 26–63; 2004. С. 3–7; 2008. С. 102–128; *Давудов О.М., Маммаев М.М.*, 2005. С. 166–195; 2011. 150 с.; *Davudov O.M.*, 1996. S. 47–56.). Мы высказали свои соображения о датировке статуэток в одной из своих работ, посвященных анализу статуэток в позе адорации (с руками, поднятыми вверх и с руками на поясе – фертообразные), женщин с ритонами в руках и воинов. В ней предложена версия о семантике фигур (*Давудов О.М.*, 1991. С. 62–86).

В «Археологической карте», изданной в 1993 г., мы привели все образцы антропоморфных и зооморфных статуэток, обнаруженных на территории Дагестана (*Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. Рис. 23; 24; 25; 26).

Интересная дискуссия развернулась вокруг гигатлинских статуэток в связи с их датировкой. Нашли их на террасе вблизи дороги, ведущей на гигатлинский хутор, расположенный у реки Андийское Койсу. По данным учетной записи музея, всего было найдено жителем селения Гигатль Цумадинского района М. Мусаевым пять бронзовых фигур людей и животных и один бронзовый диск (*Кажлаев Д.*, 1988. С. 10,11). Их опубликовал В.И. Марковин (*Марковин В.И.*, 1986. С. 86–90. Рис.6,2; 10,9; 12,24; 14,3-а,б.). Две из этих статуэток – воина и женщины в короне – достаточно подробно проанализированы в работах М.В. Горелика (*Горелик М.В.*, 1987. С. 50–53) и автора настоящей работы (*Давудов О.М.*, 1987. С. 55–57; 1988. С. 35–36; 1991; *Davudov O.M.*, 1996. S. 47–56). В этих работах кинжал на поясе воина единодушно был определен как скифский акинак с сердцевидным или почковидным перекрестьем и прямым навершием. Соответственно, все три автора предложили датировать их раннескифским временем (*Марковин В.И.*, 1986. С. 86–90; *Горелик М.В.*, 1987. С. 50–53; *Давудов О.М.*, 1987. С. 55–57). Настораживало только то, что навершие у «акинака» было цилиндрическим. Это воспринималось за счет небрежности и несовершенного литья или недостаточно высокого искусства мастера.

В 1996 г. М.С. Гаджиев выступил со своим видением хронологии и интерпретации антропоморфных статуэток из Дагестана и горной Чечни. И кинжал на поясе воина он рассмотрел не как акинак, а как меч (кинжал) с цилиндрическим навершием (*Гаджиев М.С.*, 1996. С.49–50). В следующем году он опубликовал свою аргументированную статью в журнале «Российская археология» (*Гаджиев М.С.*, 1997. С. 222–228). В ней он обосновал датировку статуэток ранним средневековьем: «уже сейчас, по нашему мнению, можно считать, что большая часть статуэток названных серий, происходящих с данной территории, относится к раннесредневековому времени» (*Гаджиев М.С.*, 1997. С. 225). Речь шла о плоских, плоско-вогнутых и объемных

статуэтках. В.И. Марковин отреагировал на эту статью следующими словами: «Мнение М.С. Гаджиева, что подобные статуэтки являются средневековыми (VI–X вв.), слабо аргументировано. Оно не подкреплено специальным сравнительным художественно-стилистическим анализом с предметами эпохи. Это не исключает возможности использования в средние века вещей более раннего времени» (*Марковин В.И.*, 1999. С. 213). Действительно, было бы высокомерным считать, что он (М.С. Гаджиев) один увидел факт нахождения некоторых антропоморфных статуэток вместе с средневековыми вещами. А.П. Круглов нашел раннесредневековый железный черешковый наконечник стрелы, трезубцы вместе с объемными антропоморфными статуэтками. Тем не менее, счел возможным датировать их серединой I тысячелетия до н.э. Трудно поверить, что А.П. Круглов не знал даты указанной стрелы. Здесь он, как и многие другие последующие авторы, учел особенности самого памятника. В культовых местах (хаты) клад накапливался в течение продолжительного времени из предметов, приносимых в жертву почитателями или из специальных заказов. Поэтому не исключена находка древних вещей на средневековых памятниках. Вместе с тем М.С. Гаджиев привел вполне серьезные аргументы, к которым надо прислушиваться. В 2001 г. он издал статью, где привел более убедительные аргументы своей датировке – кафтан гигатлинской статуэтки (*Гаджиев М.С.*, 2000. С.34–37; 2001. С.76–86; *Gadjiev M.S.*, 2006. P. 199–212). В сочетании с датой кинжала с цилиндрическим навершием он дает более убедительную дату. При обосновании даты гигатлинской статуэтки я привлекал аналогии из скифской среды. В скифской культуре встречаются все атрибуты, характерные для гигатлинской статуэтки воина. У скифов также встречаются кафтаны с разрезами подола. Но эти разрезы другого характера. Подол кафтана гигатлинского воина аналогичен кафтанам с боковыми вырезами подола и выемками спереди и сзади, характерными для позднесасанидской знати. Этот кафтан и заставляет иначе рассмотреть кинжал на поясе гигатлинского воина и определить дату гигатлинской статуэтки и соответственно всегоклада позднесасанидским временем.

В 1999 г. английский исследователь Роберт Ченсинер опубликовал 13 ранее неизвестных плоских и плоско-вогнутых статуэток фертов и адорантов, происходящих из Цунтинского района Дагестана. Он в своей статье дает описание этих статуэток, проводит их анализ, привлекает сведения об объемных статуэтках. Но самое ценное – он впервые провел химический анализ металла публикуемых статуэток (*Chenciner R.*, 1999. P. 59–79). Р. Ченсинер полагает, что даты, предложенные М.С. Гаджиевым, могут показаться убедительными при отсутствии других археологических свидетельств (*Chenciner R.*, 1999. P. 75).

Начиная с 2006 г. стала издавать свои статьи, посвященные кавказской мелкой пластике, ученица В.И. Марковина, выпускница Ставропольского университета О.А. Брилева, работающая в Государственном музее искусств народов востока (Москва). Первые же публикации позволяют судить, что мы имеем дело с внимательным и перспективным исследователем. Она обратила внимание на две вышеупомянутые статуэтки из окрестностей чеченского селения Шатой (Советская), хранящихся в ГИМе: одна из них, женская отлита из бронзы, имеет медвежьи ушки и ногу, заканчивающую копытом, вывернутым задом наперед, другая, биметаллическая (из железа и бронзы), фигура принадлежит двуликому мужчине в шлеме. Она полагает, что эти статуэтки отражают образы оборотней (*Брилева О.А.*, 2006. С.29–31; 2005. С.65–66). Позже она подробнее описала их, воспроизвела технику их изготовления и предположила, что женская статуэтка передает образ хозяйки зверей, мужская – хозяина зверей (*Брилева О.А.*, 2006. С. 162–167). Она же провела периодизацию многочисленных статуэток со всей территории Кавказа и их половое распределение, отметила их датировку (*Брилева О.А.*, 2007. С. 363–366). Большую работу она проделала по классификации антропоморфной пластики, датированных в рамках XV–III вв. до н.э. При этом она учла 720 статуэток (*Брилева О.А.*, 2006. С. 29–31; 2007. С. 155–169), провела обстоятельный стилистический анализ плоской односторонней антропоморфной пластики Дагестана (*Брилева О.А.*, 2007 а. С. 106–111).

В 2008 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа» (*Брилева О.А.*, 2008. 22 с.). Основные положения своей проделанной работы она отразила в этой работе. Решала она и проблему культурной интерпретации антропоморфной пластики Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железного века. При этом вывела индекс связи между кавказскими археологическими культурами по количеству общих типов пластики (*Брилева О.А.*, 2008 а. С. 67–70), провела сравнительный анализ антропоморфных статуэток Центрального, Западного и Восточного вариантов кобанской культуры (*Брилева О.А.*, 2009. С. 172–183), обосновала положение о распространении всаднического культа на территории Кавказа (*Брилева О.А.*, 2009. С. 28–30). В 2012 г. она

опубликовала свою доработанную диссертацию, где обобщила взгляды на проблему антропоморфной пластики Кавказа (*Брилева О.А.*, 2012. 424 с.). Работа эта получила положительный отклик научного сообщества (*Скаков А.Ю.*, 2014. С. 45–48; *Паничева Л.Н.*, 2014. С. 250–252). Это фундаментальная монография, посвященная антропоморфной пластике Кавказа. В ней приведена история открытия и изучения статуэток на территории Кавказа, подробно описаны и проанализированы образцы антропоморфной пластики, разработана типология и классификация, предложены датировки в пределах XV в. до н.э. – X в. н.э. Приведены сведения об одежде и украшениях изображений, об орнаменте на фигурах. Особую ценность представляет каталог статуэток, в котором дано описание фигурок, история их открытия и изучения, предлагаемые даты, литература. В целом автором проделана огромная работа. Как в большой работе при детальном рассмотрении будут обнаружены ошибки и недочеты. К ней возникнут замечания, претензии, но надо отметить, что работа О.А. Брилевой представляет значительный шаг вперед по изучению антропоморфной пластики Кавказа.

Существенную роль работа О.А. Брилевой в будущем сыграет если не в установлении точных дат, то в выборе оптимальных решений в спорных вопросах о хронологии и семантики статуэток.

В последнее время к датировке антропоморфных статуэток Дагестана вернулся автор настоящей работы. Немаловажную роль в этом сыграли исследования М.С. Гаджиева и Роберта Ченсинера, о которых выше уже говорилось. Мы в своих статьях привели историю формирования и развития представлений о хронологии статуэток, предложили их новую более дробную классификацию и даты в пределах раннего средневековья, уточнив, что объемные статуэтки из Гигатлинского клада, Арчо и других мест более древние, чем плоские и плоско-вогнутые. При этом не исключали, что объемные статуэтки могут относиться к более древнему времени, чем средневековье. Многие зооморфные (козлы) и антропоморфные (воины) статуэтки передают сюжеты из мифов горцев восточной Грузии и Западного Дагестана, образ воина с копьями – Иахсари, лучника – Копала, связанного с культом плодородия (*Давудов О.М.*, 2012. С. 308–310; 2012а. С. 104–132; 2012б. С. 38–42).

Надо заметить, что по хронологии и семантике к статуэткам близок клад из святилища Чадаколог и многочисленные ажурные бежтинские пряжки. Мы посетили с. Чадаколо и осмотрели место, где было обнаружено святилище и клад с художественным металлом. О.М.Омаров, обнаруживший клад, показал нам часть находок, не переданной им в Эрмитаж. Среди них была фибула, хорошо датирующаяся VII–IX вв. С этим святилищем связаны находки статуэтки воина в гребенчатом шлеме с хорошо выраженными женскими и мужскими половыми признаками и скульптурная композиция восседающего на троне божества и впереди стоящего мужчины. Эти статуэтки также относятся к VII–IX вв. (*Давудов О.М.*, 2013. С. 84–97; 2013 а. С. 795–800).

Отдельно следует сказать об искусствоведческой характеристике антропоморфной пластики. В альбоме, составленном Д. Чирковым, опубликована одна фигурка человека с поднятыми вверх руками и другая – женщины с ритонном в правой руке. В связи с ними автор отмечает, что владение сложными техническими приемами и высокий художественный уровень бронзовых фигурок, поясных пряжек с зооморфным орнаментом и украшений свидетельствует о тенденции к выделению ремесла в самостоятельную отрасль хозяйства (Декоративное искусство Дагестана, 1971. С. 80–83. Рис.1;2). Позже в другом альбоме, составленном Д.М. Магомедовым и др., опубликованы фигурки людей в позе адорации (с руками, поднятыми вверх к голове) и фертов (с руками на поясе), женщина с ритонном в руке и статуэтку коня из горного перевала Речол у с. Гагатль, а также женщин с руками «в позе объятия» из Согратлинского культового места, с сосудом в руках из с. Тинди Цумадинского района. Д.М. Магомедов связывает с ними культ плодородия. В этой же работе Р.Ш. Микаилова восхваляет их художественные достоинства и связывает их с языческими представлениями горцев (Искусство Дагестана, 1981. С. 18, 32. Рис.9; 64; 65; 66; 67). Из среды упомянутых работ резко выделяются работы М.М. Маммаева. Прекрасную искусствоведческую характеристику и анализ антропоморфной металлопластики дал он в работе «Декоративно-прикладное искусство Дагестана» (*Маммаев М.М.*, 1980. С. 23–27). Однако это не снимает задачу их дальнейшего археологического изучения. Тем более, что искусствоведческие работы решают одни проблемы, археологические – другие. Но они существенно дополняют друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с.

- Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года // Известия Русского географического общества. Спб., 1884. Вып. 4. С. 444–445.
- Аргутинский-Долгоруков Н.В.* Годовой отчет исправляющего должности секретаря Общества любителей кавказской археологии с 9 декабря по 1 января 1875 г. // Записки Общества любителей Кавказской археологии. Тифлис, 1875. Кн.1. С.184.
- Артамонов М.И.* Отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937–1938 гг. // РФ ИИЯЛ. Д. Л.15.
- Архив ИА. 1906. Д.115. С. 386.
- Архив ЛОИА. 1914. Д. 296, Л. 1–2,15. С.130.
- Архив ЛОИА. Ф-1. Д. 68. Л. 123. Литографически выполненный рисунок Штробиндера.
- Атаев Д.М.* Некоторые вопросы истории искусства народов Дагестана // Искусство Дагестана. Махачкала, 1965. С. 115–117.
- Брилева О.А.* Отражение этнографических материалов в археологических данных на примере антропоморфной пластики Кавказа // Полевая этнография. Материалы II Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2005. С. 65–66.
- Брилева О.А.* Отражение этнографических материалов в археологических данных на примере антропоморфной пластики Кавказа // XXIV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Нальчик, 2006. С. 29–31.
- Брилева О.А.* Памятники древних культов Чечни // Чеченская республика и чеченцы. История и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Наука, 2006. С. 162–167.
- Брилева О.А.* Классификация антропоморфной пластики Кавказа // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 29–31.
- Брилева О.А.* Классификация антропоморфной металлопластики Кавказа (XV–III вв. до н.э.) // Российская археология. 2007. № 4. С. 155–169.
- Брилева О.А.* Периоды развития и половое распределение антропоморфной металлопластики Кавказа // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. Сб. научных трудов. Краснодар, 2007. Вып. 4. Т. 3. С. 363–366.
- Брилева О.А.* Стилистический анализ плоской односторонней антропоморфной пластики Кавказа // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2007 а. С. 106–111.
- Брилева О.А.* Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа. Автореф. дисс. кандидата ист. наук. М., 2008. – 22 с.
- Брилева О.А.* Проблемы культурой интерпретации антропоморфной пластики Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железного века // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008 а. С. 67–70.
- Брилева О.А.* Свидетельства всаднического культа на Кавказе // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. М.: ИВ РАН, 2009. С. 28–30.
- Брилева О.А.* Сравнительный анализ набора антропоморфной пластики Центрального, Западного и Восточного вариантов кобанской культуры // КСИА. 2009. 223. С. 172–183.
- Брилева О.А.* Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.: Таус, 2012. – 424 с.
- Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972. С. 280–283. Рис. 37;48,3,5; 67,1,2.
- Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966. С. 70. № 346.
- Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV века. Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. – 463с.
- Гаджиев М.С.* О хронологии и интерпретации бронзовых статуэток Северо-Восточного Кавказа // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX «Крупновские чтения». Тез. докл. М., 1996. С.49–50.
- Гаджиев М.С.* Две бронзовые статуэтки из Дагестана (к хронологии культовой пластики) // Российская археология. 1997. № 2. С. 222–228, 22–228.

Гаджиев М.С. Бронзовая статуэтка из Гигатля (Дагестан) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Тез. докл. III Международной археологической конференции. Самара, 2000. С.34–37.

Гаджиев М.С. К интерпретации бронзовой статуэтки из Гигатля (Дагестан) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 1. Материалы III Международной археологической конференции. Самара, 2001. С.76–86.

Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах // Сб. сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 251.

Головинский П.Д. Чеченцы // Сб. сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С.251.

Горелик М.В. Ранее скульптурное изображение скифского воина // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов, Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Кировоград, 1987. С. 50–53.

Давудов О.М. Еще раз о пряжках бежтинского типа // Сб. Древности Дагестана. Махачкала; Дат. ФАН СССР, 1974. С. 106–120.

Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала: Изд. ДАГ. ФАН СССР, 1974 а. С. 84–94, 133.

Давудов О.М. Новые исследования Южнодагестанской экспедиции // АО-1977. М., 1978. С. 115–116.

Давудов О.М. Хосрехское святилище (Дагестанская АССР). // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 277–285.

Давудов О.М. Хосрехское святилище в высокогорном Дагестане // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. М., 1980 а. С. 20, 21.

Давудов О.М. Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 43–56.

Давудов О.М. О контактах населения древнего Дагестана с киммерийцами и скифами // Киммерийцы и скифы. (Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина). Кировоград, 1987. Ч. I.

Давудов О.М. О дагестанских женских статуэтках с ритонами в руках // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. (Тез. докл.). Махачкала, 1988. С. 35–36.

Давудов О.М. Некоторые культовые места горного Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средневековье. Махачкала, 1991. С. 62–86.

Давудов О.М. О контактах древнего населения Дагестана с ираноязычными кочевниками // Кавказ и стеной мир в древности и средние века: Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2000. С. 26–63.

Давудов О.М. Взаимосвязи народов Кавказа и Передней Азии в древности (по археологическим материалам) // Культурно-исторические и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее и будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию Института ИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2004. С. 3–7.

Давудов О.М. Изучение мелкой пластики Северо-Восточного Кавказа // Северный Кавказ в древности и средние века. Махачкала, 2008. С. 102–128.

Давудов О.М. Бронзовые статуэтки воинов из Западного Дагестана и Горной Чечни // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2012. № 44. С. 38–42.

Давудов О.М. Статуэтки воинов Западного Дагестана и Горной Чечни // Новые открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012 а. С. 308–310.

Давудов О.М. Хронология антропоморфных статуэток Северо-Восточного Кавказа // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2012 б. № 1 (29). С. 104–132.

Давудов О.М. Археологические находки из селения Чадаколюб // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 2 (34). С. 84–97.

Давудов О.М. О хронологии археологических находок из Чадаколюб (Дагестан). // Фундаментальные исследования. 2013 а. № 11–4. С. 795–800.

Давудов О.М., Маммаев М.М. Типология и художественно-стилистические особенности средневековых зооморфных пряжек из Западного Дагестана // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005. С. 166–195.

Давудов О.М., Маммаев М.М. Художественный металл Западного Дагестана VIII–X вв. (Зооморфные пряжки). Махачкала, 2011. – 148 с.

- Дагестанский сборник. Темир-хан-Шура, 1902. Вып.1. С. 157,158.
Декоративное искусство Дагестана. М., 1971.
Доманский Я. Древняя художественная бронза Кавказа в собраниях Государственного Эрмитажа. М.: «Искусство», 1984. – 240 с.
Доманский Я., Пиотровский Ю. Археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана // Сообщения Государственного Эрмитажа. 49. Л., 1984. С. 36–38.
Древности. Тр. Московского археологического общества. М.,1906. Т. XXI, I. Протоколы. С.57; Известия Археологической комиссии. Вып. 10. Прибавление. М.,1904. С.16,17.
Захаров А.А. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир // Тр. секции археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН. М., 1928. Т. II. С. 34,35.
Иессен А.А. Работы на Сулаке. Отчет о работах // Известия ГАИМК. М.-Л.,1935. Вып.110.С.35.
Известия Археологической комиссии. Вып. 10. Прибавление. М.,1904. 20. С. 160, 210–211; Архив ЛОИА. Д. 296,1914. Л. 1–2, 15.
Ипполитов А.П.Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С. 49–52.
Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). (Сокращенный вариант). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. №№ 1053, 1059, 1060, 1061, 1062, 1066, 1070, 1071, 1072, 1094, 1100, 1102, 1104, 1105, 1107, 1110, 1111, 1112, 1113, 1114, 1116, 1121, 1132.
Искусство Дагестана. М.,1981.
История Дагестана. М.,1967. С. 92–93.
Кажлаев Д. Дорогие реликвии. Махачкала, 1988. 204 с..
Каталог археологических материалов Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1955. Т. II (1904–1920).
Козенкова В.И. Антропоморфные статуэтки из Сержень-юрта // КСИА. М.,1966. Вып. 108. С. 74–78.
Козенкова В.И. Об одном типе кобанских булавок // КСИА. М.,1972. Вып. 132. С. 12–15.
Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант // САИ. М., 1982. Вып. В2-5. С. 58, 69–71; Табл. 25,35,42,43.
Комаров А.В. Пещеры и древние могилы в Дагестане // V АС. Тр. предварительных комитетов. М., 1882. С.436, 437.
Комаров А.В. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 год // Известия Кавказского общества истории и археологии. Тифлис, 1884. Т.1. Вып. 2. Рис. Н.И. Цилоссани. С.41.
Круглов А.П. Культовые места горного Дагестана // КСИИМК, М.-Л., 1946. Вып. XII. С. 31–32. Рис.11,а-д;12;13.
Кузьмина Е.Е. Навершие со всадниками из Дагестана // Сов. археология. М.,1973. №2. С. 178–183.
Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1980. –129 с.
Марковин В.И. Материалы по археологии горной части восточной Чечни // АЭС. Изв. ЧИ НИИ ИЯЛ. Грозный, 1966. Т. VII. Вып. 1. История. С. 128–131. Рис. 4,1-10.
Марковин В.И. В стране вайнахов. М.: «Искусство»,1969. –119 с.
Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. М.: Искусство,1974. С. 58-62;
Марковин В.И. Рец. на кн.: Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974 // Сов. археология. М., 1976. № 3. С. 345–348.
Марковин В.И. Культовая пластика VII–V вв. до н.э. в верованиях населения Кавказа // V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении: тез. докл. Ереван,1982. С. 358–359.
Марковин В.И. Антропоморфная культовая пластика Кавказа // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами: тез. докл. Тбилиси, 1984.
Марковин В.И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 86–90. Рис.6,2; 10,9; 12,24; 14,3-а,б.
Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. Изд. 2. М.: Искусство,1988. –183 с.
Марковин В.И. Бронзовые «терафимы» Кавказа и их почитание // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 213.
Мегрелидзе И.В. Археологические находки в Дидо // Сов. археология. М., 1951. XVI. С. 281–291. Рис.1,а,б;2;4,1–7; 5,1–8; 6,1–8;9,1–10;10;11;12.
Нечушкина З.И. Женская скульптурка из селения Корода // Сообщение Государственного музея народов Востока. М.: Наука, 1978. С. 13–23.

- Отчет императорской археологической комиссии за 1906 г. Пг., 1909. С. 87, 1071.
- Отчет императорской археологической комиссии за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 30. Рис.4–6.
- Пантюхов И.И.* О пещерах и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896. С. 57–59, 142, 148; Табл. XVI, 1–10.
- Паничева Л.Н.* Рец. на кн.: Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э.– X в. н.э.). М.: Таус, 2012. 424 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. Бюллетень. М., 2014. 1(74). С. 250–252.
- Пикуль М.И.* Результаты археологических исследований 2-го отряда ДАЭ в 1956 (Отчет). Ч.1. // РФ ИИЯЛ. Ф. 32. Д. 11. С. 194, 195.
- С.Р.* Из Тифлиса // Московские ведомости. 1886. 10 мая. № 129; Письмо главнокомандующего гражданской частью на Кавказе от 15 декабря 1886 г. № 35–Архив ЛОИА, Д. Археологической комиссии № 6. 1886. Л. 38, 39.
- Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1927 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Т. 1. С. 13, 14.
- Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. – 160 с.
- Семенов Н.С.* Загадочные могилы // Кавказ. 1887. 8 дек. № 325.
- Скаков А.Ю.* Рец. на кн.: Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э.– X в. н.э.). М.: Таус, 2012. 424 с. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2014. Вып. 6. С. 45–48:
- Смирнов Я.И.* Отчет о поездке по Крыму и Кавказу летом 1889 г. Архив ЛОИА. Ф-1. Д. 44. 1889. Л. 67, об.
- Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Т. VIII. С. 144, 148, 308. Табл. XXXV, 6; CXII, I; XCII, 8.
- Уварова П.С.* Museum Caucasiuum: Коллекция Кавказского музея, обработанные совместно с учеными специалистами и изданные Г.И. Радде. Тифлис, 1902. Т. 5. Археология. С. 12 и след. № 3679.
- Укрепление Хунзах // Кавказ. 1883. 24 августа.
- Adorantenfigur und idol // Kunst der welt in den Berliner Museum, Museum für wölkerkunde. Bd. 2. Stuttgart. Zürich, 1980. Из каталожной записи: Кавказ. Дагестан. Ассахо. Дидо. Бронза. Н=7 см и 6 см.
- Bapst G.* Souvenirs de deux mission au Caucase: Fouilles sur la grande chaine // Revue Archeologique. Paris, 1885. III serie. Vol. V. P. 38-40; Табл. III –V.
- Chenciner R.* Ancient copper alloy figurines // Antiquaries Journal. 1999. Vol. 79. P. 75.
- Davudov O.M.* Kimmerier, Skythcn und Dagestan. Ein hochalpincs feuerheiligtum im kontcxt der reiternomadischen vorderasienziige. // Hamburger beitrage zur archaologie. 18. 1991. Verlag philipp von Zabern: Mainz, 1996. S. 47–56.
- GadJiev M.S.* Interpretation of a Bronze Figurine of Warrior from Gigatl' (Daghestan) // Ērān ud Anērān. IStudies Presented to Boris Il'ich Boris I. Maršak on the Occasion of His 70th Birthday. Ed. by Matteo Comparetti, Paola Raffetta, Gianroberto Scarcia. Venezia, 2006. P. 199–212.
- Zakharov A.* Material for the archaeology of the Caucasus. Antropomorphic bronze statuettes // Swiatowit. Warszawa, 1933. Т. XV. P. 98.